

Праворазъяснительная практика Конституционного и Верховного Судов РФ как самостоятельная форма реализации уголовной политики: позитивный опыт и преодоление негативных тенденций

Кострова М.Б.,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и процесса
Института права Башкирского государственного университета
E-mail: kostrovam@mail.ru

Аннотация. Критически осмысливая традиционный подход, в соответствии с которым учеными выделяются только две формы реализации уголовной политики — правотворчество и правоприменение, автор доказывает, что существует обособленная область деятельности Конституционного и Верховного судов РФ — праворазъяснительная. Данный вид государственной деятельности не относится, собственно, к правоприменению, он заключается в управленческом воздействии на него. Для праворазъяснительной практики Конституционного Суда РФ характерно также управленческое воздействие на уголовное правотворчество. Выявлен ряд негативных тенденций в этой области, на основе чего делается вывод о том, что праворазъяснительная практика Конституционного и Верховного судов РФ как самостоятельная форма реализации российской уголовной политики сама нуждается в управляющем воздействии, а также намечаются пути преодоления выявленных негативных тенденций.

Ключевые слова: уголовное право, уголовная политика, реализация уголовной политики, правотворчество, правоприменение, праворазъяснительная практика, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, нормотворчество.

При острых дискуссиях о понятии уголовной политики, ее составных частях, содержании, формах реализации, методах, концептуальных основах и т.п. учеными-криминалистами обычно не акцентируется внимание на вопросе о роли праворазъяснительной практики в реализации уголовной политики. Хотя многими авторами отмечается активная роль судебной власти, особенно Конституционного Суда РФ, в формировании составных частей уголовной политики¹, обсуждаются существующие формы и каналы влияния судебной практики на уголовное правотворчество², выделяется интерпретационный тип уголовно-правовой практики³, тем не менее, при рассмотрении форм реализации уголовной политики, вне зависимости от ее широкого или узкого понимания, учеными обычно называются правотворчество (вариант — уголовное либо антикриминальное законодательство как его результат) и правоприменительная деятельность⁴.

В обоснование такого подхода Г.Ю. Лесников, например, указывает, что интерпретационная форма органически включена в процесс правотворчества и правоприменения, являясь, по сути, их составляющей, и не нуждается в дополнительном обособлении в качестве формы реализации уголовной политики⁵. Не включается праворазъяснительная практика в систему уголовной политики и в Концепцию уголовно-правовой политики РФ⁶, здесь опять-таки фигурируют лишь нормотворческая и правоприменительная деятельность.

В то же время в общей теории права и государства при обсуждении правовой политики в качестве самостоятельной формы ее реализации стала выделяться правоинтерпретационная политика (наряду с правотворческой и правоприменительной)⁷. Так, А.В. Малько и Е.М.

М.В. Ломоносова 31 мая — 1 июня 2001 г. М.: «ЛексЭст», 2002. С. 180-181; Малышева О.А. Современная уголовная политика российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2006. С. 119-327.

⁵ Лесников Г.Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 38.

⁶ Проект Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации // Сайт Общественной палаты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://opr.ru/ru/discussions/1389/newsitem/17889?offset=0> (дата обращения: 09.11.2016).

⁷ Малько А.В., Терехов Е.М. Интерпретационная политика как фактор стратегического развития правосудия в современной России // Российская юстиция. 2014. № 8. С. 47-49.

¹ См., например: Смирнова И.Г. К вопросу о некоторых тенденциях развития уголовно-процессуальной политики: заметки на полях // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3 (14). С. 285-290.

² См., например: Бондаренко О.В. Судебная практика и уголовное правотворчество: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 8-9.

³ См., например: Вишневецкая И.Н. Практика и ее роль в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 8-9.

⁴ См., например: Лопашенко Н.А. Уголовная политика: понятие, содержание, методы и формы реализации // Уголовное право в XXI веке: Материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им.

Терехов пишут: «Правоинтерпретационная политика призвана выработать стратегию и тактику интерпретационной деятельности, которые обусловлены конкретно-историческими условиями и задачами правового регулирования общественных отношений... Интерпретационная политика выступает фактором, определяющим процесс стратегического развития правосудия, поскольку толкование правовых норм заложено в основу вынесения судебных решений. Стратегия интерпретационной деятельности — это интегрированная модель, в рамках которой ее субъекты вырабатывают основные направления по оптимизации толкования права... При этом в ходе правоинтерпретации может происходить как корректировка правореализационной деятельности, так и правотворческой, вплоть до изменения содержания юридических норм»⁸.

С учетом складывающихся реалий данный общетеоретический подход представляется более взвешенным, тем более, что он имеет нормативную основу (ст. 10, ч. 1 ст. 104, п. «а» ч. 2, ч. 4, ч. 6 ст. 125, ст. 126 Конституции РФ; пп. «а» п. 1 ч. 1, п. 3, п. 31, п. 6 ч. 1 ст. 3, ст. 79, 80, 87 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»; ч. 4 ст. 19 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»; ч. 6, п. 1 ч. 7 ст. 2, п. 1, 2 ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»). В частности, в сфере законотворчества Конституционный и Верховный суды РФ обладают правом законодательной инициативы, к компетенции первого относится также разрешение дел о соответствии Конституции РФ нормативных правовых актов органов государственной власти РФ, результатом чего может стать так называемое «негативное правотворчество» (признание неконституционности закона или отдельных его положений блокирует их действие), дающее импульс законотворческому процессу. В сфере правоприменения Конституционный Суд проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению судом в конкретном деле, и может либо блокировать его применение, либо формирует позицию, подлежащую обязательному учету правоприменительными органами, а на Верховный Суд возложена функция дачи разъяснений по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства РФ.

Вместе с тем, из приведенных законодательных предписаний следует, что существует обособленная область деятельности Конституционного и Верховного судов РФ, направленная на управление правоприменением, — право-

разъяснительная. В антикриминальных отраслях права это выражается в формировании единообразной судебной и иной правоприменительной практики по уголовным делам на всей территории России, соответствующей положениям Конституции РФ и отраслевым принципам. Для праворазъяснительной практики Конституционного Суда РФ характерно также управленческое воздействие на уголовное (в широком смысле) правотворчество (например, когда он дает рекомендацию законодателю в подобной форме: «федеральному законодателю надлежит...»; «не исключается правомочие федерального законодателя устанавливать иной порядок ...»).

Подчеркнем, что данный вид государственной деятельности не относится ни к собственно правотворчеству, ни к собственно правоприменению, так как праворазъяснительная деятельность заключается в управляемом воздействии (термин Г.Ю. Лесникова⁹) на них, в управленческой деятельности по организации законотворческой и правоприменительной практики (терминология Т.В. Кленовой¹⁰). Конституционный Суд РФ подобную мысль формулирует следующим образом: «В российской судебной системе толкование закона высшими судебными органами оказывает существенное воздействие на формирование судебной практики. По общему правилу, оно фактически — исходя из правомочий вышестоящих судебных инстанций по отмене и изменению судебных актов — является обязательным для нижестоящих судов на будущее время»; «Юридической силой решения Конституционного Суда Российской Федерации, которым выявляется конституционно-правовой смысл нормы, обусловливается невозможность ее применения (а значит — прекращение действия) в неконституционном истолковании, т.е. утрата силы на будущее время в любом ином — расходящемся с выявленным конституционно-правовым — смысле, допускаясь в прежнем ее понимании. Это означает, что, по общему правилу, с момента вступления решения Конституционного Суда Российской Федерации в силу такая норма не должна толковаться каким-либо иным образом и применяться в каком-либо ином смысле. Поэтому решение, которым выявляется конституционно-правовой смысл нормы, имеет юридические последствия, аналогичные последствиям признания нормы не соответствующей Конституции Российской Федерации, предусмотренные частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном

⁹ Лесников Г.Ю. Указ. соч. С. 39.

¹⁰ Кленова Т.В. Уголовно-правовая политика в условиях разделения властей // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции (29-30.01.2015). Москва: РГ-Пресс, 2015. С. 22.

⁸ Малько А.В., Терехов Е.М. Указ. соч. С. 47.

Суде Российской Федерации», гарантирующей пересмотр дела заявителя компетентным органом в обычном порядке»¹¹.

Выявленные характерные черты праворазъяснительной практики Конституционного и Верховного судов РФ совпадают с теми существенными признаками, которые в понимании ученых-криминалистов присущи формам реализации уголовной политики.

Так, не прибегая к реализации права законодательной инициативы, на основе праворазъяснительной практики Конституционному Суду РФ удалось «заставить» законодателя скорректировать ряд норм и нормативных предписаний УПК либо восполнить имевшиеся пробелы уголовно-процессуального регулирования.

К примеру, Конституционный Суд указал законодателю направление решения проблемы определения территориальной подсудности уголовных дел в случае, если преступление совершено вне пределов РФ, сформулировав временное правило для правоприменителя: «Впредь до внесения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации надлежащих изменений уголовные дела частного обвинения о преступлениях, совершенных гражданами Российской Федерации в отношении граждан Российской Федерации вне пределов Российской Федерации, подлежат рассмотрению тем мировым судьей, чья юрисдикция распространяется на территорию, на которой проживают и потерпевший, и обвиняемый, а во всех иных случаях территориальную подсудность соответствующего уголовного дела определяет председатель (заместитель председателя) вышестоящего суда на основе статей 32, 35, 36, 125 и 152 УПК...»¹². Через год отсутствовавшие ранее правила территориальной подсудности (и, более того, — территориальной подследственности), корреспондирующие ст. 12 УК, появились в УПК¹³.

¹¹ Пункты 3.4 и 3.3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор»» // СЗ РФ. 2010. № 6. Ст. 69.

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 16.10.2012 № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 2 и части 1 статьи 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Красноперова» // СЗ РФ. 2012. № 44. Ст. 6071.

¹³ Федеральный закон от 21.10.2013 № 271-ФЗ «О внесении изменений в статьи 32 и 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 43. Ст. 5441.

Также на основе праворазъяснительной практики Конституционного Суда РФ¹⁴ на законодательном уровне удалось разрешить¹⁵ существовавшую с 2001 г. коллизию норм материального и процессуального права, выражавшуюся во включении в ч. 2 ст. 443 УПК такого основания прекращения уголовного дела и отказа в применении принудительных мер медицинского характера как совершение деяния небольшой тяжести (т.е. в УПК имела противоречащая УК норма уголовно-правового характера).

Еще один пример — уже межведомственного и межотраслевого характера: правовые позиции Конституционного и Верховного судов РФ, выработанные в процессе достаточно длительной праворазъяснительной практики¹⁶, послужили «толчком» к масштабному изменению и дополнению всего кодифицированного антикриминального законодательства России (УК, УПК, УИК) и двух некодифицированных законов в части регулирования правового статуса потерпевших от преступлений¹⁷ и одновременно — ориентиром в его совершенствовании.

Что касается сферы правоприменения, то здесь влияние праворазъяснительной практики Конституционного и Верховного судов РФ еще более обширно.

К примеру, уголовно-правовые предписания о наказании в виде смертной казни (п. «н» ст. 44, ст. 59 УК) сейчас не применяются не потому, что они утратили юридическую

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2013 № 10-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Перова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана» // СЗ РФ. 2013. № 22. Ст. 2861.

¹⁵ Федеральный закон от 03.02.2014 № 4-ФЗ «О внесении изменения в статью 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 555.

¹⁶ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // СЗ РФ. 2000. № 27. Ст. 2882; определение Конституционного Суда РФ от 22.01.2004 № 119-О «По жалобе гражданки Семеновы Лилии Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 354 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 23. Ст. 2333; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (в ред. от 09.02.2012 № 3) // БВС РФ. 2010. № 9 [Электронный ресурс]. URL: http://vsrf.ru/Show_pdf.php?id=7716 (дата обращения: 09.11.2016).

¹⁷ Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6997.

силу, а в результате праворазъяснительной деятельности Конституционного Суда РФ¹⁸.

Результатом данного вида деятельности Конституционного Суда РФ может также стать формирование единообразной практики применения уголовно-правовых норм, не поддающихся однозначному толкованию (т.е. из двух или более вариантов их толкования Конституционный Суд РФ выбирает один, служащий ориентиром для практики). Так, Конституционный Суд РФ настаивает на правильности квалификации убийства, сопряженного с совершением иного преступления, — похищением человека, разбоем, вымогательством или бандитизмом, изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 и «сопряженными» статьями УК (126, 162, 163, 209, 131, 132), не усматривая нарушения принципа *non bis in idem*¹⁹, при том, что из содержания ч. 1 ст. 17 УК такой вывод однозначно не вытекает (он, скорее, противоположный).

Кроме того, результатом праворазъяснительной деятельности Конституционного Суда РФ иногда становятся новые нормы либо нормативные предписания, не являющиеся по своему содержанию субсидиарными по отношению к закрепленным в законах²⁰. Несмотря на то,

что их содержание не соответствует буквальному языковому выражению норм (нормативных предписаний), установленных УК и УПК, суды ими руководствуются, ссылаясь на них.

Например, принимая решение о взыскании с Шаталова В.Н. денежной компенсации морального вреда в пользу двух потерпевших — матери и сестры погибшего, суд руководствовался следующим: «В соответствии с разъяснениями, данными Конституционным судом РФ в Определении от 18 января 2005 г. № 131-О... она (ч. 8 ст. 42 УПК — М.К.) не может истолковываться правоприменительной практикой как не допускающая возможность наделения правами потерпевшего... одновременно нескольких его близких родственников. То обстоятельство, что в части восьмой статьи 42 УПК... указывается на возможность перехода прав потерпевшего лишь к одному из его близких родственников, само по себе не может рассматриваться как основание для лишения прав всех иных близких родственников»²¹.

Еще один показательный пример. В ст. 74 УК есть правило о порядке отмены условного осуждения и снятия судимости с указанием на единственного субъекта — орган, осуществляющий контроль за поведением условно осужденного, — который может обратиться с представлением в суд. Вопреки этому четкому законодательному предписанию Конституционный Суд РФ указывает, что оно не препятствует условно осужденному обращаться в суд с ходатайством об отмене условного осуждения и снятии судимости и предполагает обязанность суда рассмотреть это ходатайство по существу, независимо от наличия представления органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного²². Несоблюдение этого правила, равно как и других подобных правил, сформулирован-

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 1999. № 6. Ст. 867; определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П...» // СЗ РФ. 2009. № 48. Ст. 5867.

¹⁹ См., например: определения Конституционного Суда РФ от 21.04.2011 № 578-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сербиненко Вячеслава Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 17 и пунктом «з» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также абзацем третьим пункта 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» и пунктом 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»; от 24.09.2012 № 1666-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карнова Леонида Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом «з» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 09.11.2016).

²⁰ См., например: определения Конституционного Суда РФ от 18.01.2005 № 131-О «По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционно-

сти части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; от 19.05.2009 № 576-О-П «По жалобам граждан Великанова Вадима Владимировича, Виноградова Александра Сергеевича и других на нарушение их конституционных прав статьей 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьями 125 и 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 09.11.2016).

²¹ Приговор Чесменского районного суда Челябинской области по делу № 1-4/2015 от 10.03.2015 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 09.11.2016).

²² Определение Конституционного Суда РФ от 04.11.2004 № 342-О «По жалобе гражданина Сидорова Степана Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 74 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью первой статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 51. Ст. 5262.

ных в результате «латентного» нормотворчества Конституционного Суда РФ, приравнивается к нарушению закона, например: «... суд сделал вывод о том, что ходатайство Е. об отмене условного осуждения и снятия судимости не может быть удовлетворено, поскольку уголовно исполнительная инспекция, осуществлявшая контроль за поведением осужденного, с подобным представлением не обращалась. Этот вывод суда противоречит требованиям закона. Так, в соответствии с конституционно-правовым истолкованием ч. 1 ст. 74 УК, вытекающем из Постановления Конституционного Суда РФ от 26.11.2002 № 16-П, не препятствует условно осужденному обращаться в суд с ходатайством об отмене условного осуждения и снятии судимости»²³.

Управляющее воздействие на правоприменительную практику осуществляется и в результате праворазъяснительной деятельности Верховного Суда РФ (отраженной, например, в справках, обзорах и обобщениях судебной практики по уголовным делам, ответах на вопросы судов), что удобно проследить на примере постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Сейчас, как видно по опубликованной и размещенной в информационно-телекоммуникационной сети Интернет практике, суды руководствуются не только УК и УПК, но и рекомендациями, данными в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, ссылаясь на них в приговорах. Также поступают Верховный Суд РФ, высшие суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суд автономной области, суды автономных округов, окружные (флотские) военные суды, вынося свои решения по конкретным уголовным делам, рассмотренным в апелляционном или кассационном порядке либо в порядке надзора (т.е. оценивая обжалуемые решения судов нижестоящих инстанций). Количество подобных ссылок очень велико, приведем лишь несколько наиболее показательных примеров.

1. «При решении вопроса о том, совершены ли перечисленные в п. 1 Постановления об амнистии преступления впервые, судам следует руководствоваться разъяснениями, содержащимися в п. 2 Постановления Пленума... от 27 июня 2013 г. №19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»»²⁴. Уточним: речь в данном

случае идет о не разъясненном в УК термине «лицо, впервые совершившее преступление», причем значение, придаваемое ему Пленумом Верховного Суда РФ применительно к нуждам практики освобождения от уголовной ответственности, здесь распространяется на освобождение от наказания.

2. «Согласно разъяснениям, данным в п. 39 Постановления Пленума... «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», при установлении обстоятельств, предусмотренных как частью пятой, так и частью первой ст. 62 УК РФ применяется совокупность правил смягчения наказания: в начале применяются положения ч. 5 ст. 62 УК РФ, затем ч. 1 ст. 62 УК РФ. Таким образом, максимально возможное наказание в этих случаях не должно превышать две трети от двух третьих...»²⁵; «... при последовательном применении ограничительных положений ч. 5 и ч. 1 ст. 62 УК РФ наказание... не могло превышать две трети от двух третей..., то есть 2 лет 2 месяцев 20 дней лишения свободы. Однако суд назначил... 3 года лишения свободы. Несоблюдение судом указанных норм Общей части Уголовного кодекса... президиум считает существенным нарушением уголовного закона»²⁶. Однако в УК вообще нет таких норм — при достаточно большом количестве специальных правил назначения наказания (ст. 62, 65, 66, 68), в нем никак не регламентируется алгоритм их применения при их сочетании. За годы действия УК за законодателя целый свод правил в этой части выработал Пленум Верховного Суда РФ, в настоящее время они содержатся в постановлении от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»²⁷.

3. «Содержащиеся в статьях 105 и 162 УК ... нормы не относятся друг к другу и как общая и специальная, а потому действия виновных в разбойном нападении, в ходе которого потерпевшему причиняется смерть, подлежат квалификации по совокупности преступлений. Такой смысл данным нормам придается и правоприменительной практикой (пункт 11 Постановления Пленума ...» О судебной практике по делам об убийстве

становления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 02.07.2013 № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии». Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013 // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: http://vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=8992 (дата обращения: 09.11.2016).

²⁵ Апелляционное постановление Московского городского суда от 06.06.2016 по делу № 10-8420/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ Постановление Президиума Курганского областного суда от 06.06.2016 № 44У-43/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2. С. 17-29.

²³ Апелляционное определение Московского городского суда от 10.06.2013 по делу № 10-4404/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Обзор судебной практики по применению Федерального закона от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и По-

(ст.105 УК РФ)» и пункт 22 Постановления...»О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»)»²⁸. Но еще в 2004 г. редакция ч. 1 ст. 17 УК была изменена, из нее следует, что в данном случае совокупности преступлений нет.

4. «Согласно Постановлению Пленума ... от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» под экстремистским сообществом ... следует понимать устойчивую группу лиц, ... характеризующуюся наличием в ее составе организатора (руководителя), стабильностью состава... (п. 12)»²⁹. Заметим, что выделенных курсивом слов нет в диспозиции ч. 1 ст. 282.1 УК, а устойчивость группы, наличие в ее составе организатора и стабильность ее состава в других постановлениях Пленума признается признаками организованной группы (ч. 3 ст. 35 УК), а не преступного сообщества (ч. 4 ст. 35 УК)³⁰.

5. «Квалификация обоих эпизодов как продолжаемого преступления невозможна в силу пункта 16 Постановления Пленума ... от 27 декабря 2002 года № 29 (в ред. от 23 декабря 2010 г.), поскольку оба хищения совершались из разных источников»³¹. Между тем, понятие «продолжаемое преступление» не является законодательным, оно выработано на уровне доктрины уголовного права и праворазъяснительной практики Пленумов Верховного Суда СССР и РФ.

Весьма показательным, что иногда какое-либо разъяснение утрачивает силу в связи с его исключением из постановления Пленума Верховного Суда РФ, но его ультраактивное действие продолжается.

Например, постановлением Пленума от 03.03.2015 г. № 9 из п. 22 постановления от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» было исклю-

чено разъяснение — правило квалификации убийства в процессе совершения разбоя: «Если лицо во время разбойного нападения совершает убийство потерпевшего, содеянное им следует квалифицировать по пункту «з» части второй статьи 105 УК РФ, а также по пункту «в» части четвертой статьи 162 УК РФ» (т.е. как умышленное причинение смерти в процессе разбоя, хотя в п. «в» ч. 4 ст. 162 УК указано другое общественно опасное последствие — причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего — М.К.). Сейчас подобного правила нет ни в данном постановлении Пленума, ни в постановлении от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», где в п. 11 разъяснено лишь, что убийство в процессе совершения разбоя требует дополнительной квалификации — содеянное в таких случаях квалифицируется по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК в совокупности со статьей УК, предусматривающей ответственность за разбой, но не указано, по какой части ст. 162 УК. Тем не менее, суды и после 3 марта 2015 г. признают правильность квалификации по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК в подобных случаях³². Таким образом, ультраактивное действие процитированного «исчезнувшего» квалификационного правила продолжается, причем, как думается, это происходит в силу многократного подтверждения его конституционности³³.

Если предыдущий пример иллюстрирует неявное изменение позиции Пленума Верховного Суда РФ, то еще более показательным влияние на правоприменительную практику явной изменчивости позиции Пленума по одному и тому же вопросу, когда происходит замена одного его разъяснения на другое (причем в обоих случаях — при неизменности нормы (норм) уголовного закона).

Так, при неизменности норм уголовного закона Пленум в 2006 г. создал новое правило квалификации сбыта наркотических средств,

²⁸ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.11.2013 № 55-АПУ13-12 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.10.2013 № 56-АПУ13-25 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ См., например: постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (п. 15); от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (п. 23); от 18.10.2012 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (п. 19); от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (п. 16) // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. uRL: <http://www.vsr.fu> (дата обращения: 24.06.2016).

³¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 08.02.2012 № 87-О12-1 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

³² См., например: апелляционные определения Верховного Суда РФ от 22.04.2015 № 66-АПУ15-17; от 19.11.2015 № 66-АПУ15-43; от 23.12.2015 № 127-АПУ15-10; от 17.08.2016 № 73-АПУ16-14 [Электронные ресурсы]. Документы опубликованы не были // СПС «КонсультантПлюс».

³³ См., например, упоминавшееся выше определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2011 № 578-О-О, а также определения от 24.12.2012 № 2343-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бережного Вячеслава Олеговича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 17, частью третьей статьи 69, пунктом «з» части второй статьи 105 и пунктом «в» части третьей статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации»; от 23.04.2015 № 862-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сулова Олега Геннадьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 17 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. [Электронный ресурс]. uRL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 12.11.2016).

психотропных веществ и их аналогов, осуществляемого в ходе ОРМ «проверочная закупка», указав судам, что содеянное в данном случае следует квалифицировать как покушение на преступление по ч. 3 ст. 30 и соответствующей части ст. 228.1 УК, «поскольку в этих случаях происходит изъятие наркотического средства или психотропного вещества из незаконного оборота»³⁴. По своей сути это новое толкование уголовно-правового понятия «сбыт», сформулированное Пленумом под воздействием праворазъяснительной практики ЕСПЧ³⁵, улучшало положение лиц, совершивших подобные деяния в период действия постановления Пленума от 27.05.1998 № 9 с аналогичным названием, согласно которому любой сбыт указанных предметов следовало квалифицировать как оконченное преступление. Но 2015 г. Пленум отошел от своей позиции, которую он девять лет занимал по вопросу квалификации сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, осуществляемого в ходе ОРМ «проверочная закупка», и в настоящее время считает такое деяние оконченным преступлением³⁶, что явно ухудшает положение лиц, совершивших подобные деяния до 30.06.2015, так как признание их покушением на преступление означало, что срок или размер наказания за них не могли превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией какой-либо из частей ст. 228.1 УК за оконченное преступление (ч. 3 ст. 66 УК).

В подобных ситуациях встает вопрос о возможности либо невозможности придания обратной силы новому разъяснению Пленума Верховного Суда РФ. Поскольку в российском законодательстве ответ на этот вопрос не содержится

(ст. 54 Конституции РФ и ст. 10 УК по буквальному их смыслу не в счет, так как в них установлены правила, распространяющиеся только на обратную силу законов), Конституционный Суд РФ выработал правило о недопустимости «придания обратной силы нормативному регулированию посредством толкования, ухудшающего положение лица»³⁷. И, хотя это правило сформулировано Конституционным Судом РФ применительно к арбитражному процессуальному праву³⁸, суды им руководствуются и при принятии решений по уголовным делам³⁹.

Об управленческом воздействии праворазъяснительной деятельности Конституционного и Верховного судов РФ на правоприменительную практику свидетельствует также тот факт, что иногда без соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ правоприменительная практика вообще «не идет». Иными словами: отставание, иногда по времени весьма существенное, от потребностей правоприменительной практики в принятии новых постановлений Пленума (или внесении изменений и дополнений в существующие) имеет своим результатом (и одновременно показателем) почти полное отсутствие судебной практики по уголовным делам о преступлениях определенных видов либо отсутствие ее единообразия.

Одним из наиболее ярких примеров, подтверждающих этот факт, является практика применения нормы об ответственности за организацию преступного сообщества или участия в нем (ст. 210 УК). При острой потребности в разъяснениях нормативных предписаний, содержащихся в ч. 4 ст. 35 и в ст. 210 УК, соответствующее постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» было

³⁴ Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 №14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (в ред. до 30.06.2015 № 30) // БВС РФ. 2006. № 8 // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL:http://www.vsrfr.ru/vscourt_detail.php?id=4400 (дата обращения: 24.06.2016).

³⁵ См., например: принятые в 2005-2010 гг. постановления ЕСПЧ по делам «Ваньян против Российской Федерации», «Худобин против Российской Федерации», «Банникова против Российской Федерации» // Официальный сайт Европейского Суда по правам человека / Информация по России [Электронный ресурс]. URL:http://www.echr.coe.int/Documents/CP_Russia_RUS.pdf (дата обращения: 24.06.2016).

³⁶ См.: п. 13.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 №14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (в ред. от 30.06.2015 № 30) // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL:http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=7258 (дата обращения: 24.06.2016).

³⁷ См. упоминавшееся выше постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П.

³⁸ Полностью это правило звучит так: «... в качестве правового последствия... толкования в тех случаях, когда в силу общеправовых и конституционных принципов возможно придание ему обратной силы, допускается пересмотр и отмена вынесенных ранее судебных актов, основанных на ином толковании примененных норм», что «предполагает необходимость прямого указания в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда... или постановлении Президиума... на возможность придания приведенному в нем толкованию норм права обратной силы» и «недопустимость придания обратной силы нормативному регулированию посредством толкования, ухудшающего положение лица».

³⁹ См., например: приговор Смоленского гарнизонного суда от 08.10.2015 по делу № 1-23/2015; апелляционный приговор Оренбургского областного суда от 24.09.2015 по делу № 22-5304/2015; апелляционное постановление Саратовского областного суда от 15.09.2015 по делу № 22-2900/2015 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:<http://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 22.11.2016).

принято только 10.06.2008, т.е. спустя одиннадцать с половиной лет после введения в действие УК с 01.01.1997. Посмотрим теперь на статистические показатели — данные о количестве всех осужденных по ст. 210 УК (с учетом основной и дополнительной квалификации) за 2003—2015 гг.⁴⁰ (см. Таблицу 1):

в решениях, отраженных в постановлениях Президиума и определениях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, могут встречаться различные позиции, высказанные по одному и тому же вопросу.

Так, до настоящего времени наблюдается отсутствие единства судебной практики квалифика-

Таблица 1

2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
17	20	44	60	54	189	207	253	303	293	137	346	443

Приведенные статистические данные наглядно показывают зависимость практики правоприменительной от практики праворазъяснительной. Как видим, принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ, хотя и запоздалое, дает видимые ощутимые результаты — значительный рост применимости ст. 210 УК начался именно с 2008 г. (он продолжился под воздействием уже двух факторов — изменения существенных признаков понятия преступного сообщества на законодательном уровне и оперативного их разъяснения Пленумом⁴¹). После 2010 г. судебная практика достаточно уверенно отграничивает преступное сообщество в форме структурированной организованной группы (ч. 4 ст. 35 УК) от организованной группы (ч. 3 ст. 35 УК) по основному признаку — структурированности (наличие внутренней структуры, состоящей из нескольких подразделений (подгрупп, звеньев), т.е. обособленных групп, характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий)⁴².

В тех же случаях, когда потребности правоприменения в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ остаются неудовлетворенными, зачастую начинает «работать» судебный прецедент. Однако такая практика может оказаться противоречивой:

ции содеянного как преступления, совершенного группой лиц или группой лиц по предварительному сговору, при выполнении объективной стороны только одним субъектом преступления совместно с лицом, не подлежащим уголовной ответственности в силу возраста или невменяемости. О допустимости такой квалификации свидетельствует, например, решение Президиума Верховного Суда РФ, опубликованное в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2004 г. под заголовком: «Убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них, и независимо от того, что некоторые из участников преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости»⁴³. Причем аналогичная квалификация является преобладающей⁴⁴, но встречаются и противоположные решения — содеянное «годным» субъектом в такой ситуации квалифицируется без вменения признака «совершение группой лиц» («группой лиц по предварительному сговору»)⁴⁵.

Таким образом, реалии законотворческой и правоприменительной практики сегодня таковы, что без праворазъяснительной деятельности

⁴⁰ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003-2007 годы; Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008-2015 годы // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 22.11.2016).

⁴¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» было принято буквально через 7 месяцев после принятия Федерального закона от 03.11.2009 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», изменившего редакции ч. 4 ст. 35 и ст. 210 УК.

⁴² См., например: кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.07.2012 № 5-О12-47 и от 18.10.2012 № 45-О12-59; приговор Московского городского суда от 15.11.2013 по делу № 2-86/13; апелляционное определение Верховного Суда РФ от 17.04.2014 № 5-АПУ14-16 [Электронные ресурсы]. Документы опубликованы не были // СПС «КонсультантПлюс».

⁴³ Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 604П04пр по делу Прокопьева // БВС РФ. 2005. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://vsrf.ru/vscourt_detalle.php?id=2545 (дата обращения: 22.11.2016).

⁴⁴ См., например: постановления Президиума Верховного Суда РФ № 1048п2000 по делу Тимиркаева и др., № 740п99 по делу Степанова (Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2000 г.) // БВС РФ. 2001. № 8. С. 17; кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.10.2008 № 81-О08-87 и от 23.06.2011 по делу № 85-011-10СП; надзорные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.05.2004 № 56-ДП-04-20 и от 01.06.2010 № 81-д10-11 [Электронные ресурсы]. Документы опубликованы не были // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁵ См., например: кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 03.02.2003 № 9-о02-107 и от 15.03.2007 № 91-007-6 [Электронные ресурсы]. Документы опубликованы не были // СПС «КонсультантПлюс».

Конституционного и Верховного судов РФ многие нормы антикриминальных отраслей права оказываются неприменимыми или же применяются не единообразно либо с нарушением конституционных гарантий и отраслевых принципов. Существуют также и вообще не урегулированные законодательством ситуации, разрешение которых происходит исключительно на уровне праворазъяснительной практики Конституционного и Верховного судов РФ⁴⁶, с последующей ориентацией на нее законодателя (реже) и правоприменителя (гораздо чаще).

Причем потребность в праворазъяснительной деятельности Конституционного и Верховного судов РФ объективно обусловлена рядом диалектических противоречий, присущих праву в целом, т.е. наличием в нем противоположных сторон, свойств, тенденций, которые в то же время предполагают друг друга и в составе данного объекта существуют лишь во взаимной связи и единстве.

Применительно к уголовному праву Б.В. Яценко выделены следующие диалектические противоречия: 1) противоречие между уголовным правом как равным масштабам и фактическим неравенством людей, к которым оно применяется; 2) противоречие между относительной стабильностью уголовно-правовых норм и динамизмом регулируемых ими общественных отношений; 3) противоречие между абстрактным характером уголовно-правовых норм и конкретным характером преступлений, к которым они применяются; 4) противоречие между формальной определенностью уголовно-правовых норм и системой общественных отношений, в которой отсутствуют «резкие разграничительные линии» (данные противоречия, проявляясь в уголовном праве, приобретают специфическое выражение в уголовном законодательстве)⁴⁷.

Главным из них, как представляется, выступает диалектическое противоречие между абстрактностью норм уголовного закона и их применением для урегулирования конкретных уголовно-правовых отношений. Такое имманентно присущее уголовному закону (как и любому закону) свойство как всеобщность и, соответственно, формулирование абсолютного большинства

его норм абстрактным способом обуславливают потребность в их конкретизации применительно к нуждам правоприменительной практики. Но если сделать это полномасштабно в основном источнике российского уголовного права — УК, то он потеряет указанное свойство, а объем его текста увеличится до невероятных размеров, в связи с чем возникает потребность в дополнительном (субсидиарном) источнике.

К этому следует добавить объективную противоречивость бытия и мышления, что находит свое выражение в противоречивости процесса познания человеком действительности (отражаемой сознанием объективной фактической реальности), в результате чего не исключено появление дефектов закона (любого!) как логико-языкового феномена. Например, следующих: 1) пробелов в правовом регулировании; 2) элементов внутренней противоречивости в системе одного закона; 3) элементов межотраслевой противоречивости в системе взаимодействующих законов (к примеру, УК, УПК, УИК), доходящих иногда до уровня межотраслевых коллизий; 4) неточности и (или) неясности языкового выражения отдельных норм и нормативных предписаний; 5) неоправданного увеличения оценочных признаков (особенно это характерно для УК). Появление дефектов законов может быть обусловлено не только обозначенной объективной причиной, но и субъективными причинами (к примеру, социально и криминологически не обоснованной политической волей, пренебрежением законодателем правилами законодательной техники и т.п.).

Существует еще и такой фактор, предопределяющий потребность в праворазъяснительной практике Конституционного и Верховного судов РФ, как законное судебское усмотрение, которое, по определению бывшего Председателя Верховного Суда Израиля А. Барака, представляет собой «полномочие, данное лицу, которое обладает властью выбирать между двумя или более альтернативами, когда каждая из альтернатив законна»⁴⁸. Но как, например, в условиях действия конституционного принципа равенства всех перед законом и судом без управляющего воздействия, без каких-то общенациональных ориентиров осуществлять этот выбор при «безграничности» санкции ч. 1 ст. 11 УК (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего) — от 2 месяцев до 15 лет лишения свободы?!

Указанные объективные и субъективные причины в своей совокупности порождают необходимость в организационной деятельности по формированию и обеспечению единства судебной практики по уголовным делам.

⁴⁶ В частности, подавляющее большинство правил назначения уголовного наказания сформулировано не в основном источнике российского уголовного права — УК, а на уровне праворазъяснительной практики. См., например: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»; от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»; от 29.05.2014 № 9 «О практике назначения и изменения видов исправительных учреждений» // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://vsrf.ru/second.php> (дата обращения: 12.11.2016).

⁴⁷ Яценко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 17.

⁴⁸ Барак А. Судейское усмотрение. М.: НОРМА, 1999. С. 13.

Учитывая все вышеизложенное, представляется возможным признать праворазъяснительную практику Конституционного и Верховного судов РФ самостоятельной формой реализации российской уголовной политики современного периода.

Однако данным выводом исчерпывается только теоретическая часть вопроса, обозначенного в заголовке настоящей публикации. Основная же его часть, как думается, имеет проблемно-практический характер и заключается в том, что праворазъяснительная практика Конституционного и Верховного судов РФ как самостоятельная форма реализации российской уголовной политики сама нуждается в управляющем воздействии.

Выше неслучайно приведен весьма обширный анализ складывающейся правоприменительной и праворазъяснительной практики, на его основе и с учетом многочисленных публикаций в специальной литературе можно обозначить ряд негативных тенденций, характерных для современной праворазъяснительной практики Конституционного и Верховного судов РФ, и выделить основные направления их преодоления.

Главным из таких направлений, общим для Конституционного и Верховного судов РФ, следует признать исключение возможности непосредственного судебного правотворчества, результатом которого становятся новые нормы либо нормативные предписания, не являющиеся по своему содержанию субсидиарными по отношению к закрепленным в основных источниках уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права — УК, УПК и УИК, а также в иных федеральных законах антикриминального цикла нормам и нормативным предписаниям.

К числу направлений преодоления негативных тенденций, характерных для современной праворазъяснительной практики Верховного Суда РФ в лице его Пленума, относятся, как представляется, следующие:

- 1) активизация в решении вопросов, связанных с осуществлением права законодательной инициативы, принадлежащего Верховному Суду РФ, в тех случаях, когда Пленум считает необходимым изменить или дополнить содержание законодательных норм и нормативных предписаний;
- 2) мобильность, ускорение принятия новых постановлений (либо внесения изменений и дополнений в существующие), потребность в которых уже выявлена или может быть спрогнозирована, показателем чего является отсутствие (реальное либо прогнозируемое) единства судебной практики по уголовным делам;
- 3) улучшение качества содержания каждого из постановлений в части их полноты по конкретному вопросу;
- 4) улучшение качества содержания каждого

из постановлений в части их согласованности и непротиворечивости с другими постановлениями;

5) систематизация, унификация и объединение в одном источнике позиций Верховного Суда РФ, высказанных по одному и тому же вопросу в различных праворазъяснительных актах (обзоры, обобщения, справки, ответы на вопросы судов), а также отраженных в постановлениях Президиума и определениях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ;

6) стабилизация позиции Пленума Верховного Суда РФ в части решения определенного вопроса, преодоление практики изменчивого толкования уголовно-правовой нормы (нормативного предписания) при ее (его) неизменности.

Оптимизация деятельности Конституционного и Верховного судов РФ по указанным направлениям составляет, как думается, одну из приоритетных задач реализации современной уголовной политики.

Список литературы

1. Барак А. Судейское усмотрение. М.: НОРМА, 1999. 376 с.
2. Бондаренко О.В. Судебная практика и уголовное правотворчество: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 21 с.
3. Вишневецкая И.Н. Практика и ее роль в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 27 с.
4. Кленова Т.В. Уголовно-правовая политика в условиях разделения властей // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции (29-30.01.2015). М.: РГ-Пресс, 2015. С. 21-24.
5. Лесников Г.Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 50 с.
6. Лопашенко Н.А. Уголовная политика: понятие, содержание, методы и формы реализации // Уголовное право в XXI веке: Материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая — 1 июня 2001 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. 177-181.
7. Малько А.В., Терехов Е.М. Интерпретационная политика как фактор стратегического развития правосудия в современной России // Российская юстиция. 2014. № 8. С. 47-49.
8. Мальшева О.А. Современная уголовная политика российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2006. 514 с.
9. Смирнова И.Г. К вопросу о некоторых тенденциях развития уголовно-процессуальной политики: заметки на полях // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3 (14). С. 285-290.
10. Яцеленко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 361 с.

Law Explanatory Practice of the Russian Federation Constitutional and Supreme Courts as an Independent Form of Penal Policy Implementation: Positive Experience and Negative Tendencies Overcoming

Kostrova M.B.,

PhD in Law, Associate Professor,
Professor at the Department of Criminal Law
and Procedure of the Bashkir State University Institute of Law
E-mail: kostrovam@mail.ru

Abstract. *The paper critically perceives the traditional approach that only distinguishes two forms of the penal practice implementation, that is, law making and law enforcement. The author proves that there is a separate field for the Russian Federation Constitutional and Supreme courts, that is, a law explanatory one. This form of the state activity does not belong to law enforcement proper. It is in the governing influence on the latter. It is typical of the law explanatory practice of the Russian Federation Constitutional Court that it influences the penal law making in a governing way. A number of negative tendencies have been singled out. The author arrives at a conclusion that the Russian Federation Constitutional and Supreme courts' law explanatory practice as an independent form of the Russian penal policy needs a governing impact. The paper offers the ways to overcome these negative tendencies.*

Keywords: *penal law, penal policy, penal policy implementation, law making, law explanatory practice, the Russian Federation Constitutional Court, the Russian Federation Supreme Court, norm making.*

References

1. Barak A. Sudejskoe usmotrenie. M.: NORMA, 1999. 376 s.
2. Bondarenko O.V. Sudebnaya praktika i ugovnoe pravotvorchestvo: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2013. 21 s.
3. Vishnevetskaya I.N. Praktika i ee rol v mekhanizme ugovno-pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2008. 27 s.
4. Klenova T.V. Ugolovno-pravovaya politika v usloviyakh razdeleniya vlastej // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: Materialy XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (29-30.01.2015). M.: RG-Press, 2015. S. 21-24.
5. Lesnikov G.Yu. Ugolovnaya politika sovremennoj Rossii (metodologicheskie, pravovye i organizatsionnye osnovy): avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2005. 50 s.
6. Lopashenko N.A. Ugolovnaya politika: ponyatie, sodержание, metody i formy realizatsii // Ugolovnoe pravo v XXI veke: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii na yuridicheskom fakultete MGU im. M.V. Lomonosova 31 maya - 1 iyunya 2001 g. M.: LeksEst, 2002. S. 177-181.
7. Malko A.V., Terekhov E.M. Interpretatsionnaya politika kak faktor strategicheskogo razvitiya pravosudiya v sovremennoj Rossii // Rossijskaya yustitsiya. 2014. № 8. S. 47-49.
8. Malysheva O.A. Sovremennaya ugolovnaya politika rossijskogo gosudarstva i ee realizatsiya na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogogo sudoproizvodstva: dis. ... d-ra jurid. nauk. Ryazan, 2006. 514 s.
9. Smirnova I.G. K voprosu o nekotorykh tendentsiyakh razvitiya ugolovno-protsessualnoj politiki: zametki na polyakh // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. 2014. № 3 (14). S. 285-290.
10. Yatselenko B.V. Protivorechiya ugolovno-pravovogo regulirovaniya: dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 1997. 361 s.